

Ба 11583786 ✓

Въ дипломѣху съ Московскою
Духовною Академію съавторъ
1897 года, Ливарскаго.

54

354

ГЕОРГІЙ КОНИССКІЙ,

АРХІЕПИСКОПЪ ВѢЛУРУССКІЙ.

(1717 † 13 февраля 1795 г.)

№ 19088.

ЧЕРНИГОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія.

1895.

5
49349

потомъ Георгій занималъ кафедру философіи и одновременно былъ префектомъ академіи. Въ 1751 году, за отказомъ отъ профессорства ректора академіи Сильвестра Ляскорвенскаго, человека неученаго, Георгій занялъ мѣсто профессора богословія, уступивъ философію іеромонаху Георгію. Наконецъ въ 1752 году „вручена была его прелебности, какъ монастыря правленіе, такъ и академіи полная дирекція“ ¹⁾. Въ академіи Конисскій былъ добросовѣстнымъ, неутомимымъ работникомъ. — Это — лучший послѣ Теофана Прокоповича профессоръ академіи. Вотъ отзывъ о Конисскомъ одного изъ историковъ его almae matris. „Что за умъ, что за познанія во всѣхъ тогдашнихъ наукахъ, что за ревность къ своей профессорской должности были у Георгія Конисскаго, это ясно показываютъ составленныя имъ богословская и философская системы, которыми безспорно превзошелъ онъ всѣхъ и предшественниковъ своихъ и преемниковъ: такъ онѣ обработаны, такъ полны ученыхъ свѣдѣній!“ ²⁾. Самобытность и оригинальность Конисскаго, какъ ученаго, даетъ ему право на названіе свѣтила того времени. Онъ внесъ новыя направленія и улучшения въ академическую науку, желая освободить ее отъ оковъ схоластики. Нѣкоторыя области разработаны Конисскимъ, а нѣкоторыя переработаны. Конисскій пробовалъ и свои стихотворныя силы на русскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ. Онъ пробовалъ даже писать драмы духовнаго содержанія. Такъ, въ 40-хъ годахъ имъ написана для майскихъ рекреаций драма „Воскресеніе мертвыхъ“. Она направлена противъ отрицающихъ будущую жизнь, какихъ было не мало въ то время среди кіевской интеллигенціи.

Какъ учитель философіи, Конисскій стяжалъ уваженіе къ себѣ учащихся своими записками. Отъ него осталась и система фило-

¹⁾ Грамота м. Тимофея Щербацкаго, врученная Георгію при посвященіи въ архимандрита кіево-братскаго монастыря 1 августа 1752 г. *Кіевск. арх. мѣстн. о. л. 13. I*
ibid. л. 337, 338.

²⁾ Исторія кіевской академіи іером. Булгакова. С.-П. 1843 года стр. 162—163.

софіи: „Философія, сообразно четыремъ отдѣленіямъ раздѣленная на четыре части, содержащая логику, метафизику, физику и этику“. Въ своей системѣ Конисскій, наряду съ сужденіями разума по извѣстному вопросу, приводитъ и мнѣнія отцевъ церкви, какъ христіанскихъ мыслителей. Самобытность и нѣсколько дѣльных и крупныхъ перемѣнъ въ преподаваніи этой науки даютъ Конисскому право на названіе его представителемъ новаго направленія философіи.

Въ Кіевѣ же началась и проповѣдническая дѣятельность Конисскаго. Таковъ былъ Конисскій, какъ ученый, а какъ начальникъ, — это былъ незамѣнимый человекъ, горячо любимый сослуживцами ¹⁾. Но кипучая дѣятельность въ академіи была лишь началомъ его общественнаго служенія, — того служенія, — въ которомъ протекло почти 40 лѣтъ, а изъ нихъ первыхъ 17 — въ самоотверженной борьбѣ „съ волками“, какъ выражался самъ онъ, Георгій.

13-го октября 1754 года скончался въ Могилевѣ Бѣлорусскій еп. Иеронимъ Волчанскій. Гонимыя повѣсти объ его смерти: одни — въ Петербургъ, другіе въ Римъ. Намѣреніе католическаго и униатскаго духовенства — окончательно подавить православіе въ

¹⁾ Въ 1755 году Георгій былъ назначенъ на бѣлорусскую кафедру. Почти всѣ учителя, вслѣдствіе ухода любимаго начальника, не хотѣли оставаться въ академіи. Узнавъ объ этомъ, митр. Тимофей Щербацкій прислалъ въ академію письмо съ запросомъ: «отчего бы это послѣдовать могло?» Учителя могутъ отказаться по нездоровью, а изъ-за чего другаго «скрывать свыше дарованный къ славіи Божіей и пользѣ ближнему талантъ» — не слѣдуетъ, писалъ митрополитъ. Правда, по официалномъ допросѣ, всѣ учителя изъявили желаніе остаться въ академіи, но самый инцидентъ этотъ оч. важенъ. Онъ говоритъ о той любви къ Конисскому, которою послѣдній заслуженно пользовался у своихъ сослуживцевъ. Рувкевичъ. «Исторія минской архіепископіи». С. П. Б. 1893 г. стр. 61.

Польшѣ—было слишкомъ прозрачно. Оно выразилось въ протестѣ опредѣленію на бѣлорусскую кафедру епископа изъ православныхъ.

Полоцкій униатскій митрополитъ Флавіанъ Гребницкій далъ знать папѣ Бенедикту XIV о смерти могилевскаго епископа, прося, вѣроятно, содѣйствія въ дѣлѣ обращенія въ униатовъ сыновъ осиротѣлой бѣлорусской епархіи. Папа дѣятельно помогаль Гребницкому. Онъ писалъ канцлеру графу Малаховскому, что настало удобное время возвратить во владѣніе Полоцкаго митрополита бѣлорусскую епископію, которая будтобы нѣкогда принадлежала Полоцкой митрополіи. Это письмо сильно подѣйствовало на канцлера. Результатомъ этого дѣйствія было стараніе Малаховскаго возбудить народъ противодѣйствовать назначенію на могилевскую кафедру епископа изъ православныхъ. Но если полоцкій митрополитъ имѣлъ такихъ сильныхъ помощниковъ, то имѣли ихъ и православные. Донося о смерти Іеронима Волчанскаго въ Синодѣ, іеромонахъ Могилевскаго Братскаго монастыря Митрофанъ просилъ у Синода защиты отъ притѣсеній фанатиковъ, „чтобы удержать сію малую горсть епископіи бѣлорусской, пока дастъ Богъ вождѣннаго на твое мѣсто сукцессора“ ¹⁾. И дѣйствительно Св. Синодъ позаботился о паствѣ бѣлорусской. О насиліяхъ и притѣсеніяхъ православныхъ предписано было доносить посланнику Гроссу, а послѣдній долженъ былъ ходатайствовать о нихъ предъ королемъ. Однако мученія и истязанія православныхъ продолжались. Правда, Гроссъ ходатайствовалъ, но ходатайства его были гласомъ воиющаго въ пустыни. Болѣе усѣшна была забота Св. Синода о назначеніи на бѣлорусскую кафедру епископа изъ православныхъ. Въ докладѣ Св. Синода Императрицѣ говорится объ отсутствіи въ польскомъ и литовскомъ княжествѣ лицъ, достойныхъ занять бѣлорусскую кафедру; какъ достойный кандидатъ на нее, представленъ былъ ректоръ кievской академіи Георгій Ковневскій. Когда объ этомъ узнали въ Польшѣ, то униатское

¹⁾ Странникъ 1868 г. мартъ стр. 85.

духовенство во главѣ съ м. Гребницкимъ, не только не успокоилось, но еще настойчивѣе начало дѣйствовать въ пользу послѣдняго. Папскій посолъ тайно, при посредствѣ ксендзовъ и уніатовъ, разбрасывалъ поддѣльныя королевскія грамоты, публичныя объявленія, письма судебныхъ изслѣдованій, съ цѣлю смутить православныхъ ложью и чрезъ то произвести въ нихъ возмущеніе; цѣлю грамотъ было доказать, что бѣлорусская епархія — достояніе полоцкой митрополіи, что православные владѣютъ ею, лишь благодаря хитрости и обману. Сообщниками Гребницкаго являются канцлеръ и вице-канцлеръ. Такъ, канцлеръ Малаховскій писалъ Гроссу, что на бѣлорусскую кафедру не можетъ быть опредѣленъ неуніатъ, а вице-канцлеръ Вержбицкій сообщилъ ему о претензій полцкаго митрополита. Гроссъ понялъ, что все это дѣло происковъ католиковъ и уніатовъ, что медлить нельзя, иначе враги православія склонятъ на свою сторону высшихъ чиновниковъ и короля, человека безхарактернаго, и тогда дѣло поправить будетъ трудно. И вотъ онъ началъ дѣйствовать въ пользу Конисскаго. Получивъ Высочайшій рескриптъ, онъ въ тотъ же день чрезъ министра гр. Брюля представилъ его королю, сказавъ при этомъ, что Императрица рекомендуетъ „удобнаго кандидата, природнаго шляхтича украинскаго, человека ученаго, честнаго и благонравнаго житія“ ¹⁾. Онъ просилъ снабдить новаго епископа привилегіями, какими пользовались его предмѣстники ²⁾. При этомъ была представлена и копія съ привилегій, данной Іосифу Волчанскому. Уже на другой день Брюль письменно уведомилъ Гросса о согласіи короля на утвержденіе представленнаго кандидата, а также о порученіи его князю Черторижскому приготовить сходную съ прежнею привилегією, если нѣтъ къ этому законныхъ

¹⁾ Странникъ. 1868 г. Мартъ.

²⁾ Правда, они пользовались ими лишь de jure; de facto было много случаевъ безнаказаннаго нарушенія этихъ привилегій.

пренятетвій. Черезъ нѣсколько дней, при личномъ свиданіи съ королемъ, Гроссъ напомнилъ ему о грамотѣ, замѣтивъ, что это сердечное желаніе Императрицы, что скорое исполненіе этого желанія будетъ большой услугою для нея. Но король хотѣлъ посо- вѣтоваться по этому дѣлу съ гр. Черторижскимъ. О чемъ совѣ- щались король и графъ, неизвѣстно, но уже 25 марта гр. Брюль сообщилъ Гроссу о слѣдующемъ. Не смотря на буллу папы съ запрещеніемъ опредѣлять на бѣлорусскую кафедру новаго епископа греко-русскаго неповѣданія, король принялъ во вниманіе реко- мендацію русскою Императрицы и подписалъ привилегію ея кан- дидату. О такомъ рѣшеніи короля Гроссъ донесъ въ Петербургъ, а черезъ полторы недѣли въ донесеніи въ коллегію иностранныхъ дѣлъ онъ говоритъ уже, что Ржичевскій приготовилъ „для новаго епископа бѣлорусскаго Георгія Конисскаго“ привилегію, а король 23 мая утвердилъ ее своею подписью и печатью. При донесеніи была прислана и привилегія въ оригиналъ. Коллегія иностран- ныхъ дѣлъ сообщила объ этомъ Св. Синоду. И вотъ, наконецъ, 20 іюня во всеподданнѣйшемъ докладѣ Св. Синодъ проситъ раз- рѣшенія вызвать Георгія въ Петербургъ для посвященія. Докладъ не былъ принятъ, а вышло Высочайшее повелѣніе: вслѣдствіе крайней нужды бѣлорусской епархіи въ архіереѣ—и во избѣжаніе убытковъ, совершить хиротонію въ Кіевѣ; если же нельзя,— сдѣлать тоже въ возможно скоромъ времени въ Петербургѣ. 20 ав- густа 1755 года Конисскій, наконецъ, былъ посвященъ во епи- скопа Бѣлоруссіи. Онъ хорошо зналъ, что ожидаетъ его тамъ, предвидѣлъ труды и опасности, предстоящіе на новомъ мѣстѣ, но твердо и мужественно шелъ на „борьбу съ волками“. Съ силь- ною волею, съ безпредѣльною вѣрою во св. Промыслъ, съ сынов- нею любовію къ родинѣ,—вотъ съ какими средствами выступалъ этотъ ревностный борецъ за православіе противъ враговъ по слѣднію.

Уже на основаніи одного разсказа объ избраніи Г. Конисскаго во епископа Бѣлоруссіи можно составить представленіе о тѣхъ

неблагопріятныхъ условіяхъ, въ какихъ находились православные въ Польшѣ на закатѣ ея политическаго существованія. Но чтобы исполнѣ одѣнить заслуги Коняескаго, какъ борца за православіе, необходимо болѣе обстоятельное знакомство съ этимъ положеніемъ, а равно и съ тѣми прельщеніями, угрозами и униженіями, которыми, какъ сътыю, опутывало католическое и униатское духовенство ревнителей православія.

Отношеніе между православіемъ и р.-католичествомъ въ Польшѣ носило характеръ враждебности съ самаго начала существованія православія въ государствѣ. Со временемъ эта вражда укореняется, входитъ въ плоть и кровь народа и въ XVIII вѣкѣ достигаетъ своего апогея. Ни сильныя вѣянія гуманнаго и либеральнаго времени, ни огромные потоки пролитой изъ-за этой борьбы крови, ничто не могло загасить ея пламени. Руководимые іезуитами фанатики неуклонно и настойчиво дѣйствовали въ интересахъ своего вѣровсповѣданія. Они не ограничивались пропагандой и захватомъ православныхъ въ свои сѣти, а хотѣли и домогались гарантіи своихъ дѣйствій со стороны правительства. И старанія эти иногда увѣнчивались успѣхомъ: строгія постановленія сеймовъ противъ диссидентовъ—дѣло фанатиковъ. Уже въ 1716 году конфедераціей въ Варшавѣ было постановлено—разрушить тѣ церкви диссидентовъ, которыя построены послѣ 1632 года, запретить публичныя церковныя собранія, разрѣшивъ лишь домашнее богослуженіе, но безъ проповѣди и пѣнія. Другой конфедераціей объявлено „полное презрѣніе къ иноземныхъ культамъ“. Правда, диссидентамъ тогда же были обѣщаны „миръ и неприкосновенность“, но на какихъ условіяхъ? Диссиденты не должны—а) принимать „дѣятельнаго участія въ депутатской избѣ, въ трибуналахъ и коммисіяхъ“,—б) не должны имѣть „своихъ частныхъ съѣздовъ или собраній“, в) не должны занимать „государственныхъ должностей въ коронѣ и Литвѣ—воеводскихъ, земскихъ и городскихъ,“ и, наконецъ, г) не должны искать „протекціи“ лично, или „черезъ иностранныхъ министровъ,“ „подъ опасеніемъ подвергнуться въ

противномъ случаѣ всей силѣ законовъ, положенныхъ противъ бунтовщиковъ“¹⁾ Такимъ образомъ, у диссидентовъ была отнята даже возможность законнымъ путемъ защищать свои права. Относительно дѣлъ собственно религіозныхъ тогда же было постановлено слѣдующее. Духовенству диссидентовъ запрещается „явно ходить по улицамъ со св. Дарами,“ „крещеніе, бракъ, похороны они имѣютъ право совершать“ лишь „съ разрѣшенія католическаго ксендза, за установленную послѣднимъ плату.“ „Публичные похороны“ запрещаются „вовсе: они должны хоронить мертвыхъ ночью.“ Городскіе жители — „иновѣрцы должны присутствовать при католическихъ крестныхъ ходахъ.“ „Дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ должны причисляться къ католической церкви и даже иновѣрные пасынки отчима — католика должны принимать католичество. Канионическіе законы католиковъ должны быть обязательны и для иновѣрцевъ“. Понятно, чего могли ожидать православные. Весьма многое фанатики могли дѣлать въ силу сеймовыхъ постановленій, но несравненно больше они дѣлали, какъ это увидимъ ниже, такого, что было даже противозаконно.

Фанатики отнимали у православныхъ церкви, запрещали имъ починять обветшалыя безъ дозволенія, а выхлопотать послѣднее было трудно: это сопряжено было съ значительными издержками; всеми мѣрами препятствовали назначенію на вакантные приходы священниковъ православнаго вѣроисповѣданія; католическіе епископы ревизовали церкви диссидентовъ. Православныхъ называли еретиками, наносили имъ оскорбленія: не оставалось псорнаго имени, которымъ не клеймили бы ихъ публично; ихъ вѣру называли „холопскою“, „аріанскою, „собачьею,“ а Украину и Вѣлоруссію „странами невѣрныхъ.“ Сюда „отправлялись толпы базилианъ и доминикановъ въ видѣ миссіонеровъ; а имъ на помощь сѣбшили мечъ и инквизиція“. У преслѣдуемыхъ не было защитниковъ. Польское правительство, повидимому, было довольно такимъ

¹⁾ «Труды кievск. д. ак.» 1867 г. т. IV стр. 456—457.

положеніемъ дѣла: оно не думало взыскивать съ виновныхъ, готово было даже помогать послѣднимъ. Быть можетъ вражда эта крѣпла еще и отъ того, что къ интѳресамъ религіознымъ присоединились и интѳресы національные. — Православные Польши питали симпатіи къ единовѣрной и единоплеменной Россіи, а Польша въ этомъ тяготѣнии, быть можетъ, чужла смертельную рану, которая рано или поздно должна была привести къ роковому исходу. Отсюда — враждебная ненависть панистовъ къ православнымъ и тяжелое положеніе послѣднихъ въ государствѣ. Правда, польское правительство подъ различными давленіями издало въ пользу диссидентовъ не мало законовъ, но они оставались на бумагѣ, а потому не могли измѣнить общаго положенія дѣла. Въ этомъ отношеніи не составляютъ исключенія даже настойчивыя представленія Екатерины II. При такомъ положеніи дѣла, Поляки могли дѣлать, что угодно, а замѣтной мечтой р.-католическаго духовенства было полное уничтоженіе восточнаго исповѣданія въ польскомъ государствѣ. Лишь полнымъ презрѣніемъ за жестокости платило православное населеніе Польши р.-католическому духовенству. Убѣдившись въ полной практической безвозлѣстности домогательства узаконенія своихъ правъ, народъ терпѣлъ и какъ бы мирялся съ положеніемъ преслѣдуемаго. Сдавленный до послѣдней степени жидами, мелкой шляхтой и р.-католич. духовенствомъ, онъ уже не ропталъ, не жаловался, какъ бы тяжело ни было его положеніе, какъ будто засыпалъ въ тупомъ терпѣнии. Столпомъ православія, незаблемой опорой его является духовенство. Правда, ряды и этихъ оставшихся борцовъ замѣтно рѣдѣютъ, но уцѣлѣвшіе, какъ воины, закаленные въ бою, крѣпки и непреборимы. И вотъ въ этихъ-то борцовъ и направляетъ теперь свои стрѣлы вражда и преслѣдованіе польскаго р.-к. духовенства. Борьба была крайне трудною: она была слишкомъ неравна. При безправіи и продажности, царившихъ въ Польшѣ, захваты земель были здѣсь обыкновеннымъ явленіемъ. Но тогда какъ частное лицо или отвѣчало на захватъ захватомъ, или искало удовлетворенія въ судѣ, пра-

вославленное духовенство не могло сдѣлать ни того, ни другого. Противопоставить силѣ силу оно не могло, искать справедливости въ судѣ-не было смысла: дѣло, послѣ безконечныхъ откладываній, сводилось ни къ чему. Отнимая у духовенства земли и церковныя угодья иногда безъ всякихъ предлоговъ, помѣщики тѣмъ самымъ лишали многихъ средствъ къ жизни; для иныхъ церквей это было потерей всего, а возратить потерянное было крайне трудно. Возможны были лишь два исхода изъ того положенія, въ какое поставляло р.-в. духовенство православныхъ священниковъ, отнимая у нихъ земли; — послѣднимъ оставалось или искать счастья въ единоплеменной Россіи, или измѣнить завѣту отцовъ. Удаливъ православнаго священника изъ прихода, католическое духовенство поставляло туда увіата, къ которому осиротѣвшіе прихожане шли за совершеніемъ требъ, но лишь въ крайнихъ случаяхъ, когда не было возможности пригласить священника изъ ближайшаго православнаго прихода, а треба не терпѣла отлагательства. Иногда въ подобныхъ случаяхъ отнималась или запечатывалась церковь; тогда для молитвы назначался опредѣленный домъ. Бывало, что преслѣдованіе духовенства доходило до возмутительной травли отдѣльных представителей его. Оставалась, правда, у духовенства слабая надежда исхлопотать улучшеніе судьбы легальнымъ порядкомъ. Но польскій судъ уклонялся отъ разбирательства такихъ дѣлъ то путемъ перевода ихъ изъ одной судебной инстанціи въ другую, то путемъ откладыванія рѣшенія ихъ на неопредѣленное время въ виду другихъ болѣе важныхъ дѣлъ. Но особенно тяжело было положеніе духовенства во время конфедерацій. Всевозможныя ругательства, побои, тюремныя заключенія — вотъ что выпадало теперь на его долю. Самая жизнь священниковъ была въ опасности, и они снѣжили укрыться отъ изувѣрства фанатиковъ въ лѣса, въ пещеры, подъ страхомъ смерти преподавали больнымъ и умирающимъ св. тайны. Въ царствованіе Августа III православные, повидимому, могли надѣяться на улучшеніе своего положенія. На сеймѣ, во время своей коронаціи, 17 января 1734 г.

король торжественно поклялся, что будет охранять во всей цѣлости права и неприкосновенность достойна церкви римско—католической и православной. Но ни данная клятва, ни власть королевская не была сдерживающею уздою для фанатизма р-католическаго и униатскаго духовенства. Надѣясь на поддержку со стороны польскихъ магнатовъ, оно не переставало преслѣдовать православныхъ.

Не прошло еще и года со времени поставленія Ковисскаго во епископа Бѣлоруссiи, еще не засохли, такъ сказать, чернила данной ему привилегiи, а униаты уже начали отнимать у православныхъ церкви, запрещать строить новыя и возобновлять обветшалыя; помѣщики строили униатскiя церкви вблизи православныхъ, принуждая своихъ крестьянъ ходить туда; униатскiе священники вмѣшивались въ дѣла греко-россiйскаго исповѣданiя, ругались надъ храмами православныхъ, поставляя вблизи ихъ корчмы и т. п. Отъ этого и безъ того незначительная паства Георгiя уменьшалась все болѣе и болѣе: стѣснительныя обстоятельства вынуждали многихъ принимать унию. На первыхъ же порахъ епископства Георгiя паписты отнимали иногда силою, при помощи войска, церкви православныхъ и передавали ихъ униатамъ.

И такъ, уже на первыхъ порахъ епископства Георгiя храмы православныхъ переходили въ унию, отбирались ихъ имущества, насильно отторгались прихожане.

Во второй половинѣ XVIII вѣка чувствовалась настоятельная потребность въ подъемѣ уровня просвѣщенiя въ православномъ духовенствѣ. Пастыри, которые не знали „ни членовъ вѣры христіанской, ни силы закона Божiя“ и умѣли подписать лишь свое имя, не могли, конечно, вести борьбы съ изворотливыми польскими проповѣдниками. Для успѣшнаго веденiя этой борьбы у первыхъ не было средствъ,—недоставало образованiя, а вслѣдствiе этого не было правильнаго и отчетливаго пониманiя православнаго ученiя.

Опытность и ловкость іезуитовъ въ дѣлѣ пропаганды подсказывала имъ, что необходимо ослабить православіе въ корнѣ,—отнять средства къ просвѣщенію у православнаго духовенства и тогда,—дѣйствуя на почвѣ невѣжества, можно скорѣе достигнуть желаемыхъ результатовъ. Но и Конисскій отлично понималъ положеніе дѣла. Его мудрая распорядительность въ первое же время епископства касается просвѣщенія православныхъ пастырей и пасомыхъ. Въ 1758 году Георгій открываетъ въ Могилевѣ семинарію, тогда же испросивъ у русскаго правительства 400 рублей, въ качествѣ ежегоднаго пособія на содержаніе послѣдней. Въ томъ же году устрояетъ при архіерейскомъ домѣ типографію, въ которой печатаетъ съ своимъ дополненіями катихизисъ Теофана Прокоповича и разсылаетъ его при окружной грамотѣ по всѣмъ церквамъ епархіи. Въ грамотѣ напоминаетъ нерадивымъ пастырямъ о правилѣ 6-го вселенскаго собора, настойчиво, въ сильныхъ выраженіяхъ убѣждаетъ послѣднихъ учить народъ „всеприлежно“ по присланной книгѣ, изучивъ ее напередъ. Церковное учительство въ то время было дѣломъ крайней необходимости. Въ Бѣлоруссіи появились походныя католическія миссіи. Первою изъ нихъ является партія доминиканъ, подъ предводительствомъ Овлочинскаго, который переходя изъ города въ городъ, изъ мѣстечка въ мѣстечко, съ своими сообщниками насильно затонялъ православныхъ въ костелы. Здѣсь сначала нѣсколько недѣль „ласкалъ ихъ словами и прельщалъ ложными и смѣха достойными чудесами“¹⁾. Когда же эти мѣры не дѣйствовали, на смѣну ихъ являлись угрозы, а на смѣну послѣднихъ—страшныя проклятія непреклоннымъ, открытое поношеніе вѣры православной, св. угодниковъ Божиихъ, особенно чтимыхъ въ Россіи, и русскаго Императрицы. Изъ программы дѣйствій этого походнаго миссіонерскаго общества не были даже исключены грубыя насилія и жестокости. Непреклонныхъ, по приказанію Овлочинскаго, запирали въ костелъ, сажали въ тем-

¹⁾ 11. Чистовичъ. «Очеркъ ист.....» ч. II стр. 110.

ницу, томили голодомъ, грозили лишеніемъ имущества и даже самой жизни. Послѣ всего сказаннаго, мы не станемъ удивляться отчаянію православныхъ, на холодныхъ могилахъ предковъ выплакивавшихъ свое тяжелое горе въ восклицаніи: „блаженны въ умершіе во благочестіи“¹⁾. Зналъ объ этомъ Вѣлорусскій владыка и всѣми силами старался помочь несчастнымъ; но пока лишь обидное сознаніе безсилія въ данномъ случаѣ тѣшило его отзывчивое, любящее сердце. А между тѣмъ фанатики готовили ему еще много личныхъ обидъ, оскорбленій, даже покушеній на жизнь,

Въ іюнь 1759 года Конисскій обзрѣвалъ церкви своей епархіи. Въ Оршѣ онъ встрѣтилъ миссію доминиканъ. Отношенія послѣднихъ къ православнымъ были исполнены фанатической ненависти и вытекавшей отсюда жестокости. Поступая съ простымъ народомъ неслыханнымъ образомъ, они не задумались поднять свои преступныя руки на самого епископа Вѣлоруссіи. Вотъ какъ изложено это изувѣрство фанатиковъ у Георгія. Желая предостеречь паству отъ этихъ волковъ, которые „не суть посланы отъ Христа“, онъ произнесъ въ церкви сосѣдняго съ городомъ Кутенскаго монастыря поученіе собравшимся мѣщанамъ г. Орши. Въ церковь, оказалось, былъ подосланъ переодѣтый миссіонеръ съ нѣсколькими учениками. На другой день Георгію нужно было ѣхать въ городъ. Нѣкоторые удерживали его отъ исполненія этого намѣренія, указывая на возможность нападенія со стороны миссіонеровъ, но онъ, не желая показать себя наемникомъ, бѣгающимъ *вожа грядуща*, поѣхалъ. При вѣздѣ въ городъ, онъ увидѣлъ толпу ожидавшихъ его миссіонеровъ, шляхтичей и жолнеровъ. Враги окружили Преосвященнаго, сначала они ограничивались лишь насмѣшками и ругательствами²⁾, да тѣмъ, что запретили звонить въ колокола и разогнали православныхъ, вышед-

¹⁾ «Собр. соч. Г. К.» Григоров. прилж. стр. XXI.

²⁾ Шедшіе позади кричали: «попе, холопе, отлучнику отъ церкви! не дерзай публично Миссіи ругать».

шихъ на встрѣчу къ Преосвященному съ хоругвями. Во время Богослуженія Георгій сталъ говорить народу поученіе о вѣрѣ и покаяніи, тогда разъяренные фанатики ворвались въ церковь; здѣсь въ шапкахъ, съ оружіемъ въ рукахъ, бѣгали, кричали, били народъ и, ставъ передъ епископомъ, оскорбляли его неприличными движеніями. Приостановивъ поученіе, Георгій просилъ ихъ выйти изъ церкви и не мѣшать ему исполнять свой долгъ. Но словамъ Преосвященнаго ~~онъ~~ не внимали; крикъ, шумъ, побои не прекращались, и Владыка вынужденъ былъ прекратить богослуженіе. Въ сопровожденіи враговъ, преслѣдовавшихъ его съ пистолетами и обнаженными саблями, Георгій вышелъ изъ храма и, „какъ скоро могъ“, тайно уѣхалъ изъ города въ тельвѣ, прикрытой павозомъ.

Въ первое же время своего епископства Георгій заботится о благоустроеніи своей кatedры. Ему необходимы были для этого средства, и вотъ онъ посылаетъ съ этою цѣлію въ Петербургъ преданнаго чловека Іоанна Тударовича; результатомъ почти двухлѣтнихъ неотступныхъ иногда слезныхъ просьбъ было слѣдующее: по Высочайшему повелѣнію было выдано изъ суммъ синодальной экономіи на окончаніе постройки церкви 10 т. рублей и жалованье Преосвященному за четыре года. Сверхъ того предписано было выдавать ежегодно жалованья епископу по 700 рублей и отпускать по 400 рублей въ годъ на содержаніе семинаріи. Въ рукахъ Конисскаго очутилась т. обр. порядочная сумма, которая дала ему возможность благолѣпно устроить архіерейскій домъ и окончить постройку Спасской каменной церкви. Сверхъ того, онъ выстроилъ двухъэтажный архіерейскій домъ и монашескія келіи; въ послѣднихъ, вѣроятно, помѣщалась и семинарія, и, наконецъ, зданіе для типографіи съ архивомъ, сохранившимъ отъ расхищенія много важныхъ актовъ. Заботы о благоустроеніи кatedры вообще и устроеніи семинаріи въ особенности вызвали сильное противодѣйствіе со стороны папистовъ. Выше было изложено одно изъ изувѣрствъ ихъ, бывшее въ Оршѣ. Но и у себя дома, въ своемъ

архіерейскомъ помѣщеніи преосв. Георгій не могъ считать себя вполнѣ безопаснымъ. 28 января 1760 года поднялъ преступную руку на Бѣлорусскаго владыку вновь опредѣленный въ Могилевъ ксендзъ Михаилъ Зеновичъ. Глубокою ночью, вмѣстѣ съ префектомъ Бодовскимъ, вооруживъ толпу іезуитскихъ воспитанниковъ ружьями, саблями и дубинами, напалъ онъ на архіерейскій домъ. Разломавъ ворота, толпа принялась неистовствовать. Крикъ, срамныя пѣсни наполнили стѣны монастыря. Многіе изъ монаховъ, учениковъ семинаріи и прислуги получили увѣчья. Фанатики искали самого Георгія, но онъ скрылся въ сырыхъ подвалахъ архіерейскаго дома. Это изувѣство фанатиковъ было причиною уменьшенія числа учениковъ семинаріи, такъ какъ послѣ этого случая священники и граждане Могилева стали опасаться отдавать въ семинарію своихъ дѣтей. Засотился также Георгій и о возвращеніи отнятыхъ католиками имѣній архіерейскаго дома.

Много обидъ приходилось переносить Ковнесскому. Тѣми, о которыхъ была рѣчь, исчерпывается далеко не все, что выпало на долю ревностнаго борца. Какъ тяжело было переносить все это, можно судить по тому, что въ тяжелыя минуты горькаго сознанія своей безпомощности Георгій мечталъ о тишинѣ иноческой жизни, просилъ Синодъ объ удаленіи его въ какой нибудь изъ русскихъ монастырей, какъ о милости. Но не то суждено было архиепископу, — его ожидала широкая, тревожная дѣятельность на пользу всего западно-русскаго края. Грозные годы „борьбы съ волками“ приходили къ концу. Нестерпимо душная для православныхъ ночь проходила, занималась заря лучшаго для нихъ будущаго. Съ высоты русскаго царскаго трона было торжественно объявлено о намѣреніи Императрицы выступить на защиту православія и русскаго народности отъ иноземныхъ посягательствъ ¹⁾.

Въ Москву ко дню коронаціи Императрицы отіравился и Георгій, какъ представитель Бѣлоруссіи, — выразитель думъ и надеждъ

¹⁾ Манифестъ Екатерины II. Кояловчъ. «Чтен.» 274 стр.

ея православныхъ жителей. 29 сентября 1762 г. онъ произнесъ предъ Императрицей одушевленную привѣтственную рѣчь, въ которой, послѣ поздравленія Монархини отъ лица всего бѣлорусскаго народа, описалъ бѣдственное положеніе православныхъ въ предѣлахъ Польши. Въ Россіи доселѣ горитъ свѣтильникъ вѣры, зажженный св. Владиміромъ, а тамъ? И тамъ онъ блисталъ,—блисталъ въ 4-хъ епископіяхъ. Но вотъ подули „сверѣвѣющіе вихри отъ запада“ и угасъ этотъ свѣтильникъ „на многихъ мѣстахъ“. Здѣсь въ многочисленныхъ храмахъ свободно стравляется божественная служба, а тамъ—много храмовъ отнято, много ограблено и запечатано. Не слышно въ такихъ божественной службы, совы и вороны завели тамъ гнѣзда и наполняютъ храмы своимъ крикомъ. Здѣсь благочестивыхъ считаютъ честными, а тамъ—самое благочестіе ставятъ въ вину: „Іаны, узы, темницы“, разореніе домовъ, а нерѣдко и самая смерть—вотъ награды за благочестіе православныхъ Польши. Однако и для этихъ угнетенныхъ день этотъ—день радости: надежда избавленія веселитъ несчастныхъ ¹⁾).

Не обманулись въ надеждѣ своей Ковискій и его паства. Глубоко прочувственная рѣчь архипастыря Бѣлоруссіи тронула доброе сердце Императрицы и она рѣшила принять живое и дѣятельное участіе въ судьбѣ несчастныхъ единовѣрцевъ. Теперь не могло быть и рѣчи о перемѣщеніи Георгія на другую каедру: въ глазахъ Императрицы Ковискій пріобрѣталъ значеніе ходатая за всѣхъ православныхъ западной Руси. Впрочемъ, торжество православныхъ наступило еще не вдругъ: вслѣдствіе смутъ, бывшихъ тогда въ Польшѣ, имъ пришлось перенести еще не мало притѣсненій и обидъ. Въ 1763 году Георгій снова пишетъ въ Синодъ о жестокихъ притѣсненіяхъ со стороны папистовъ.

Съ 1764 года обстоятельства, повидимому, обѣщаютъ улучшеніе положенія православныхъ. 27 августа сего года на польскій престолъ взомель ставленникъ Екатерины; съ этого времени начи-

¹⁾ В—Каменскій стр. 373 и слѣдующая.

²⁾ Лсковский, — какъ просилъ Порта?

нается и личное ходатайство Конисскаго предъ польскимъ правительствомъ объ улучшеніи положенія православныхъ. Все, повидимому, говорило послѣднимъ за успѣхъ ихъ дѣла. Какъ ставленникъ русской Императрицы, Станиславъ Понятовскій, естественно, долженъ былъ дорожить дружбою русскаго Двора. А еще въ первое время по избраніи ея Императрица чрезъ министровъ гр. Кейзеринга и кн. Рѣнина говорила, что она не можетъ быть равнодушною къ страданіямъ православныхъ и вообще диссидентовъ Польши и Литвы и просила возвратить имъ всѣ права, вольности и преимущества, особенно же тѣ, которыя „касаются до свободнаго отправленія ихъ вѣры“. Позаботилась Императрица и о ревностномъ архипастырѣ Бѣлоруссіи. „Слѣдуя обряду“, Конисскій долженъ былъ отправиться въ Варшаву, для полученія отъ новаго короля „подтверженія“ въ своемъ санѣ. Императрица дала рекомендательную грамоту, въ которой испрашивалось покровительство короля Конисскому и торжественное „подтверженіе“ привилегіи, данной ему Августомъ III. Сверхъ того, Императрица просила и о подтверженіи правъ „всѣхъ исповѣдующихъ Греческій законъ духовнаго и мірскаго чина“. 15 іюля 1765 года Конисскій выѣхалъ въ Варшаву и 27-го вручилъ польскому королю рекомендательную грамоту Императрицы. При своемъ представленіи королю, архипастыръ сказалъ ему блестящую рѣчь на латинскомъ языкѣ, въ которой яркими красками нарисовалъ тяжелое положеніе православныхъ въ Польшѣ. Все, чѣмъ давно страдала душа ревностнаго борца, что давно огорчало его,—все вылилось въ этой знаменитой рѣчи, переведенной вскорѣ на языки: польскій, русскій, нѣмецкій и французскій. Рѣчь заканчивалась просьбою снять оковы, наложенныя на совѣсть притѣсняемыхъ православныхъ, возвратитъ имъ ту свободу въ дѣлѣ религіи, которою пользовались они въ прежнее время. Въ заключеніе рѣчи Конисскій поднесъ королю грамоту Императрицы, а также подалъ ему меморіаль, представляющій собою обстоятельную, богатую фактическимъ матеріаломъ записку объ обидахъ, повесенныхъ пра-

вославными отъ р.-кат. и униатскаго духовенства. Король обнадежилъ Георгія, но просилъ обождать прїѣзда въ Варшаву вице-канцлера Литовскаго, Предзѣцкаго. А тѣмъ временемъ въ Варшавѣ возненавидѣли Конисскаго и начали намѣренно тянуть его дѣло. Вице-канцлеръ велѣлъ ему передѣлать меморіаль на два; въ одномъ помѣстить „обиды“, причиненныя „въ самой могилевской экономіи“, — это съ подати „въ камеру королевскую“; въ другомъ — „обиды, вѣдѣ экономіи подѣланныя“; послѣдній написать въ трехъ экземплярахъ и одинъ изъ нихъ подати „министрамъ“, другой — „короннымъ канцлеру и вице-канцлеру“, а третій — „вице-канцлеру литовскому“. Исполнилъ Конисскій сказанное, но теперь то и начались проволочки по его дѣлу. Были посланы повѣстки „къ обидчикамъ“, поименованнымъ въ меморіалѣ, съ требованіемъ отвѣтовъ на жалобы Георгія. Узнавъ объ этомъ отъ министровъ, Конисскій указалъ было имъ на неблагоприятность такого дѣла. Во первыхъ, говорилъ онъ, не ко всѣмъ изъ обидчиковъ послано за отвѣтомъ; а нѣкоторые изъ нихъ уже умерли. Во вторыхъ, сдѣлать постановленіе на основаніи показаній оставшихся въ живыхъ едва ли придется: они не признаютъ себя виновными и будутъ „ложно извиняться“; необходимо будетъ опровергать ихъ. Въ собраніи отвѣтовъ пройдетъ много времени, а жизнь въ Варшавѣ требуетъ большихъ расходовъ; да притомъ, — въ числѣ жалобъ есть и такія, которыя не могутъ подлежать „никакому изслѣдованію — ихъ должно рѣшить, „по разсмотрѣніи документовъ письменныхъ“. Но на такіе доводы Конисскаго не обращали вниманія, ему, очевидно, съ насмѣшкой отвѣчали лишь, что онъ богатъ, а потому можетъ прожить въ Варшавѣ. Долго пришлось Георгію пробыть здѣсь и все это время онъ трудился неутомимо надъ изученіемъ западно-русскаго прошлаго въ его историческихъ памятникахъ. Цѣлью этихъ занятій было доказать польскому правительству законность правъ, требуемыхъ имъ для православныхъ. Тяжелъ былъ подвигъ ходатайства Георгія за западную Русь, но въ этомъ тяжеломъ трудѣ ревностнаго архипастыря поддер-

живали глубокое уваженіе къ нему и благодарность со стороны православныхъ. Его труды въ Малороссіи называли апостольскими, а самого его „апостольскимъ трудникомъ“. И слѣдующій 1766 г. Конисскій провель въ Варшавѣ.

Узнавъ изъ донесенія Конисскаго о ходѣ дѣлъ въ польской столицѣ, Императрица писала Рѣнину, чтобы дѣло о православныхъ было рѣшено непременно на сеймѣ 1766 года и притомъ въ ихъ пользу. Теперь Георгій занялся необходимыми подготовительными работами къ предстоящему сейму.

Въ приказѣ Рѣнину Екатерина нѣсколько уменьшила требованія диссидентовъ, но поляки не хотѣли соглашаться ни на какія уступки въ ихъ пользу. Предвидя такой исходъ дѣла, Екатерина предписала Рѣнину: въ случаѣ несогласія католиковъ на уступки въ пользу диссидентовъ, составить диссидентскую конфедерацію. Она должна просить помощи у Россіи, а послѣдняя, уступая де просьбамъ первой, пошлетъ въ Польшу своя войска и такъ образомъ, если не путемъ дипломатическихъ переговоровъ, то силою проведется это дѣло.

Требованіе русской Императрицы было громовымъ ударомъ для польскаго короля. Станиславъ Августъ хорошо зналъ, что поляки ни за что не согласятся ни на какія уступки въ пользу диссидентовъ. И вотъ онъ проситъ Императрицу оставить это дѣло въ виду его невозможности. Въ доказательство справедливости своихъ словъ онъ указываетъ на то, что его предложеніе было встрѣчено на сеймѣ шумомъ, крикомъ, — что едва не умертвили примаса въ его присутствіи. Усумнился въ успѣхъ дѣла и русскій посланникъ. Онъ пытался отклонить Императрицу отъ нея намѣренія.

Глубоко скорбѣлъ объ этой неудачѣ Конисскій, но дѣло показало иное. Разъ рѣшившись довести дѣло до конца, Екатерина шла твердою стопою къ намѣченной цѣли.

Между тѣмъ предложеніе русской Императрицы было отвергнуто сеймомъ.

78851/9

Узнавъ объ этомъ, Екатерина издала Высочайшій манифестъ и повелѣніе „двинуть войска къ Польшѣ“; они въ случаѣ надобности должны были оружіемъ поддержать требованія диссидентовъ. Король, увидя, что судьба Польши въ рукахъ Россіи, готовъ былъ согласиться на все условія. Но противъ православныхъ дѣйствовала партія крайнихъ фанатиковъ во главѣ съ епископами Солтыкомъ и Залуцкимъ. Въ пылу увлеченія эта партія не замѣчала, что своимъ противодѣйствіемъ требованіямъ диссидентовъ она губить Польшу. Впрочемъ вскорѣ дѣло приняло благопріятный оборотъ для православныхъ. Заручившись согласіемъ Императрицы, Рѣшницъ арестовалъ вожакъ фанатической партіи и отправилъ ихъ въ Калугу. Съ тѣхъ поръ дѣло православныхъ пошло успѣшнѣй. Рѣшительныя мѣры русскаго посла и присутствіе въ Польшѣ русскихъ войскъ произвели свое дѣйствіе. По вопросу о диссидентахъ была назначена особая коммисія, которая въ ноябрѣ выработала трактатъ. „Неуніатамъ грекамъ“ (такъ называются въ трактатѣ православные) предоставлены были слѣдующія права. Имъ дозволялось поддерживать, строить и содержать церкви, церковныя дома и школы; не по праву отнятія у нихъ церкви и монастыри должны быть возвращены имъ, они освобождались отъ прежняго подчиненія ксендзамъ, могли открыто совершать погребеніе и крестныя ходы; для нихъ необязательны католическіе праздники и присутствованіе при крестныхъ ходахъ католиковъ. Смѣшанные браки разрѣшались съ тѣмъ, чтобы дѣти исповѣдывали вѣру—сыновья отца, а дочери матери; разрѣшалось заводить типографіи и печатать книги духовнаго содержанія. Запрещалось принужденіе „неунитовъ“ „къ перемѣнѣ вѣры“. Для разбирательства жалобъ по религіознымъ столкновеніямъ рѣшено было учредить смѣшанный судъ изъ 17 человекъ; въ немъ долженъ былъ участвовать и Вѣлорусскій епископъ. Конечно этими постановленіями улучшалось положеніе православныхъ, но тѣмъ не менѣе въ трактатѣ не было пункта, которымъ бы разрѣшалась свобода перехода въ православіе. Напротивъ, католическая

вѣра была объявлена господствующей, а переходъ изъ нея въ другія исповѣданія былъ запрещенъ,—перешедшему грозило изгнаніе изъ государства. Невольные уніаты, слѣдовательно, не могли возвратиться въ православіе, за что ратовалъ Георгій.

Такъ какъ трактатъ еще не былъ окончательно утвержденъ, то Георгій, пользуясь этимъ, разсылаетъ приглашенія по западной Россіи. Въ нихъ всѣ, желающіе присоединиться къ православію, призываются заявить объ этомъ Пресвященному. Съ какой радостью былъ встрѣченъ этотъ призывъ, можно судить по письму Георгія къ Рѣвнину за недѣлю до утвержденія трактата. Онъ пишетъ, что въ православіе возвратилось много селеній и приходоу и проситъ у Рѣвнина „многомощѣйшаго посредства“,—необходимаго для того, чтобы „манифестъ“ объ этомъ былъ принятъ въ Варшавскій „гродъ“. Очевидно, если не всѣ, то громадное большинство уніатовъ, желало возвратиться въ православіе. Но этому возвращенію, такъ удачно начатому Конисскимъ, былъ прегражденъ путь: вскорѣ былъ утвержденъ трактатъ, а въ немъ, какъ мы видѣли выше, не было пункта о возможности перехода въ православіе.

Зналъ, какъ часто постановленія польскаго правительства оставались лишь на бумагѣ, переходя не въ жизнь, а въ архивы, Конисскій опасался, что и то немногое, что уступлено православному трактатомъ, не найдетъ себѣ приложенія въ дѣйствительности. И вотъ онъ пишетъ Императрицѣ, прося позаботиться о томъ, чтобы „самый трактатъ, толикими движеніями и усиліями совершенный, не оставался ва одной бумагѣ“. Ревностный борецъ дѣлалъ для блага паствы все, что могъ; никакія трудности и опасности не могли остановить его. Но вскорѣ эта борьба почти безъ поддержки, борьба,—медленно подвигавшая дѣло,—измучила Георгія; здоровье грозило ему измѣной. Въ письмахъ въ Петербургъ къ арх. Гавріилу и духовнику Государыни, излагая настоящее положеніе дѣла, Конисскій проситъ „усмотрѣть“ кого-либо на его мѣсто, такъ какъ онъ „уже душою и тѣломъ изве-

могъ“. Впрочемъ, „челобитной“ объ этомъ тутъ же не было приложено. Владыка давалъ первое мѣсто „церковнымъ нуждамъ“; эти то нужды и удержали его на посту борца за православіе до конца жизни.

Уступки сейма 13 февраля въ пользу диссидентовъ, какъ сдѣланныя подъ давленіемъ посторонней силы, не могли оградить послѣднихъ отъ фанатизма папистовъ. Конисскій былъ правъ въ своихъ опасеніяхъ: трактатъ 1768 года не выполнялся. Враги послѣдняго 29 февраля образовали конфедерацію, извѣстную въ исторіи подъ именемъ барской. Она подняла оружіе противъ правъ диссидентовъ. Такія же общества явились и въ другихъ мѣстахъ. Открылась партизанская война, волновавшая Польшу четыре года; было даже посягательство на жизнь короля. Все населеніе государства бѣдствовало отъ безпорядковъ, а православные подвергались страннѣйшимъ гоненіямъ потому, конечно, что самая уступка въ пользу диссидентовъ была сдѣлана, благодаря настойчивымъ требованіямъ Императрицы, покровительствовавшей первымъ.

Но вотъ русско-польскій вопросъ, настойчиво требовавшій разрѣшенія, наконецъ получилъ его. Въ 1772 году осенью Императрица подписала 1-й раздѣлъ польши. На долю Россіи досталась восточная Бѣлоруссія съ полутора милліоннымъ почти населеніемъ.

Присоединеніе Бѣлоруссіи въ значительной степени было дѣломъ Бѣлорускаго Владыки. Онъ своими настойчивыми ходатайствами за несчастныхъ предъ русской Императрицей ознакомилъ ее съ положеніемъ православныхъ, вызвалъ въ сердцѣ ея сочувствіе къ нимъ и рѣшимость помочь имъ въ ихъ правахъ дѣлъ.

Съ 1772 года для православныхъ настали лучшія времена. Теперь ихъ владыка могъ обратить вниманіе на заботы о внутреннемъ благосостояніи паствы, а также позаботиться и о тѣхъ, которые томились „въ плѣну униі“. Заботы о послѣднихъ снова принесли преосвященному не мало огорченій. Дѣло въ томъ, что

„плѣнники“ текли толпами къ матери своей церкви“ ¹⁾, а между тѣмъ въ указахъ о благоустройствѣ Бѣлоруссіи ничего о нихъ не говорилось. Георгій употребляетъ всѣ усилія, чтобы подвинуть это дѣло, но его голосъ не находилъ отклика. Молчала иностранная коллегія, которой поручено было веденіе этого дѣла, а Св. Синодъ отвѣтилъ неутомимому борцу, чтобы онъ поудержался отъ принятія въ православіе цѣлыми приходами и селеніями до „будущаго разсмотрѣнія“ этого вопроса.

Тѣмъ временемъ Конисскій обратилъ вниманіе на дѣла внутренняго благосостоянія паствы. Онъ старался узнать жизнь современнаго ему общества со всѣхъ ея сторонъ. Все, что находилъ онъ въ ней антирелигіознаго, недостойнаго христіанина обличалъ съ церковной кафедръ. Словомъ, какъ добрый пастырь, Георгій хотѣлъ знать своихъ овецъ поименно и принималъ всѣ, зарисація отъ него, мѣры къ исправленію заблудшихъ. Такъ какъ духовенство епархіи теперь находилось въ сравнительно лучшихъ условіяхъ жизни, то преосвященный предъявилъ къ нему болѣе широкія требованія относительно церковнаго проповѣдничества, именно: онъ потребовалъ отъ духовенства, чтобы оно говорило проповѣди въ дни праздничные и высокаторжественные и самъ составилъ росписаніе порядка проповѣдыванія въ Могилевѣ. Кто не могъ самъ проповѣдывать, тотъ долженъ былъ за плату найти способнаго. Теперь же преосвященный приводитъ въ исполненіе свое завѣтное желаніе—поднять уровень просвѣщенія мѣстнаго православнаго духовенства. Такъ какъ въ семинаріи за тѣнотой не было классовъ „философіи и богословія“, то преосвященный въ

¹⁾ Черезъ мѣсяць, послѣ объявленія о первомъ раздѣлѣ, Георгій доносилъ въ Синодъ о просьбѣ униатскихъ священниковъ и цѣлыхъ приходовъ «принять ихъ во благочестіе». Еще черезъ мѣсяць онъ заявлялъ, что цѣлыя благочинія изъявляютъ готовность присоединиться. Словомъ, — много просьбъ въ этомъ родѣ поступало къ Владыкѣ. Приходившіе увѣряли, что и всѣ собраты ихъ готовы послѣдовать за

1788 году построилъ новое зданіе для семинаріи, съ квартирами для учителей и бѣдныхъ воспитанниковъ, выхлопоталъ увеличеніе оклада на ея содержаніе до 2000 рублей ежегодно. Это дало возможность вызвать учителей для философскаго и богословскаго классовъ, а также для преподаванія языковъ—греческаго, еврейскаго и польскаго, изъ учениковъ кіевской академіи.

Кромѣ того, преосв. Георгій замѣтилъ, что на обрядовой сторонѣ православія сказывалось порой вліяніе католичества,—напр. въ совершеніи крещенія чрезъ обливаніе¹⁾. Чтобы очистить обряды православные отъ этихъ наростовъ, преосвященный въ октябрѣ 1783 года разослалъ окружную грамоту, въ которой, указавъ на фактъ совершенія таинства крещенія чрезъ обливаніе, говоритъ о канонической неправомерности такой формы совершенія крещенія. Въ порывѣ пастырской ревности и желанія искоренить неправомерный обрядъ, Георгій проводитъ крайнюю мысль о сомнительности самаго таинства, совершеннаго чрезъ обливаніе. Грамота заканчивается запрещеніемъ подъ угрозой „изверженія изъ священства“ совершать такъ этотъ обрядъ. Въ томъ же году въ мартѣ

ними, но бояться—то угрозъ владѣльцевъ, то толковъ униатскаго духовенства о возвращеніи присоединенныхъ къ Россіи областей Польши. Кояловичъ «Ист. возсоед.».... стр. 130.

¹⁾ Мирошникъ. «Иезуиты въ Россіи» т. I, стр. 38. Какъ на остатокъ униі и латинства въ западномъ краѣ, нужно указать еще на обычай извѣщать молящихся звономъ колокольчика о времени перенесенія Св. Даровъ на преждеосвященной литургіи. Кромѣ того требуютъ искорененія слѣдующіе остатки униі и латинства: а) католическія иконы въ домахъ прихожанъ, въ церквахъ и домахъ священниковъ (напр. икона «коронованія Божіей Матери», икона Богоматери съ сердцемъ, прозвѣннымъ множествомъ стрѣлъ и т. п.); в) католическіе образки и медальоны, носимые крестьянами на груди, икаплеры,—сукожные квадратные лоскутки съ изображеніемъ креста, святыхъ, съ вышитыми словами молитвы, такъ какъ послѣднимъ обыкновенно усвояютъ зна-

была разослана другая грамота, направленная противъ другаго недостатка священниковъ въ отправленіи пастырскихъ обязанностей. Многіе священники „или по корыстолюбію и скверному при-
бытку, или же изъ лицемерія и боязни знатныхъ лицъ, не видя въ нихъ истиннаго раскаянія и исправленія распутной жизни“, разрѣшали ихъ отъ грѣховъ, въ которыхъ тѣ „несколько“ не раскаивались, и по разрѣшеніи допускали таковыхъ къ принятію Св. Таинъ Христовыхъ наравнѣ съ достойными. Больно было видѣть такое нерадѣніе священниковъ Пастырю съ идеальнымъ взглядомъ на это служеніе. И вотъ онъ предписываетъ пастырямъ своей епархіи: „важнѣйшую часть служенія своего, т. е. дѣло исповѣди“ совершать „точно“.

Но возвратимся къ продолженію изложенія дѣятельности Георгія, какъ борца за православіе.

Въ 1780 году Екатерина обозрѣвала свои новыя владѣнія въ Бѣлоруссіи. Преосв. Георгій привѣтствовалъ ее рѣчью въ соборной церкви Могилева. Онъ не могъ не воспользоваться семидневнымъ пребываніемъ ея въ городѣ и, вѣроятно, сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ о стремившихся къ воссоединенію. По всей вѣроятности подъ вліяніемъ этой поѣздки въ Бѣлоруссію, 2 іюля Императрица издала рескриптъ. Имъ разрѣшалось освѣдомляться у народа униатскихъ приходоу, лишившихся священниковъ, желаютъ ли они перейти въ православіе, или по прежнему оставаться въ униі. Въ первомъ случаѣ разрѣшалось назначать имъ православныхъ пастырей. Узнавъ объ этомъ, русскіе, томившіеся въ униі, приходили къ Георгію „стадами“, не обращая вниманія на то, вакантны приходы или нѣтъ. Очевидно, большинство, если не поголовно всѣ, желали присоединенія, а Св. Синодъ напоминалъ Ко-

ченіе и силу какихъ то амулетовъ; с) чтеніе символа вѣры съ словами «и Сына»; в) чтеніе молитвъ на польскомъ языкѣ и католическихъ; е) обычай праздновать дни польскихъ святыхъ, напр., 16 сентября «Юзефату» т. е. день, посвященный Иосафату Кунцевичу.

нискому, что онъ долженъ строго слѣдовать Высочайшему повелѣнію о вакантныхъ приходахъ. Конисскій придумалъ средство обойти рескриптъ. Въ случаѣ обоюднаго согласія священника и прихожанъ присоедиениться къ православію, сначала присоедиенялся священникъ, тогда приходъ объявлялся празднымъ; прихожане присоедиенялись по желанію и имъ назначался ихъ бывшій священникъ. Какъ сильно было стремленіе къ присоедиенію, можно видѣть изъ слѣдующей статистической даты. Въ теченіи 3-хъ лѣтъ (съ 1781—1783 г.) у Георгія присоедиенилось болѣе 112 т. униатовъ ¹⁾, не смотря на стѣсненія іюльскаго рескрипта, на противодѣйствіе помѣщиковъ—латинянъ, наконецъ,—на уменьшеніе епархіи Георгія въ объемъ ²⁾.

Въ своемъ ходатайствѣ за православныхъ и томившихся въ униі, Конисскій не огривичивался предѣлами Вѣлоруссіи. Еще въ 1773 году въ Петербургѣ онъ проводилъ мысль о назначеніи епископа для православныхъ Польши, а въ 1785 году уже радовался осуществленію своего проекта, тѣмъ болѣе, что на вновь открытую кафедру назначался его любимый ученикъ Викторъ Садковскій, 17 лѣтъ находившійся при учителѣ.

Въ 1793 году послѣдовалъ 2-й раздѣлъ Польши. Почти весь нынѣшній юго-западный край и средняя часть сѣверо-западнаго досталась ва долю Россіи. Все это огромное пространство земли въ церковномъ отношеніи составило одну Минскую архіепископію, во главѣ которой былъ поставленъ преосв. Викторъ. Стремленіе къ „благочестію“ проснулось и здѣсь со всей силой. И вотъ Синодъ поручилъ Минскому архіепископу обнародовать грамотою призывъ къ православію всѣхъ желающихъ освободиться изъ оковъ униі.

¹⁾ М. О. Кояловичъ «Ист. возсоед.» стр. 212—213.

²⁾ Часть Вѣлоруссіи, послѣ перваго раздѣла Польши, отошла къ псковской епархіи. М. О. Кояловичъ. Христ. Чт. 1873 г. т. I. стр. 309.

10 января 1795 года последовалъ Высочайшій указъ — объединить Полоцкую и Могилевскую губерніи въ одну епархію, но ни расширеніемъ границъ своей епархіи, ни новыми средствами къ воссоединенію Георгію не пришлось воспользоваться.

Физическія силы уже покидали маститаго іерарха и это заставляло его подумать о смерти и приготовиться къ переходу въ лучшую жизнь.

Мысль о близости смерти посѣщала Конискаго въ послѣдніе годы дов. часто, и заставляла его обозрѣвать свою жизнь. Вспомнилъ онъ свое учительство въ академіи въ классѣ пѣттики, и написалъ себѣ эпитафію, полную самаго добродушнаго юмора, которая была вырѣзана по его приказанію на мѣдной доскѣ и потомъ помѣщена около его могилы ¹⁾.

Кромѣ того, Пресвященный составилъ духовное завѣщаніе, написалъ письмо къ своему преемнику, въ которомъ просилъ послѣдняго о своихъ родственникахъ и слугахъ. Изнуренный тяжкимъ педугомъ физически, онъ однако до послѣднихъ дней былъ бодръ духомъ. Уже 70-ти лѣтнимъ старцемъ онъ (19 января 1787 г.) привѣтствовалъ въ Мстиславѣ Императрицу Екатерину тою юношески вдохновенною рѣчью, за которую ему пожаловано было

¹⁾ Читается она такъ.

«Колыбель Нѣжинъ, Кіевъ мой учитель;
Я въ тридцать восемь лѣтъ сдѣлался святитель.
Семнадцать лѣтъ боролся я съ волками,
А двадцать два, какъ Пастырь, отдохнулъ съ овцами.
За претерпѣнные труды и непогоду,
Архіепископомъ и членомъ сталъ Синоду.
Георгій именемъ, я изъ Конискихъ дому,
Коню подобенъ бывалъ почтовому.
Сего тутъ падла зарылъ грѣшны кости
Годъ седмисотый, пятый девяностый».
«Собр. соч. Г. К.» т. II, стр. 276.

1000 рубл. отъ послѣдней. Эта рѣчь, стоящая, по Сумарокову, выше произведеній знаменитыхъ ораторовъ—Массильона, Боссюэта и Бурдалу, была переведена на многіе иностранныя языки.

Не смотря на тяжелый недугъ, Георгій не покидалъ своихъ обычныхъ занятій. По прежнему онъ заботился о дорогой для него семинаріи, по прежнему отправлялъ донесенія въ Синодъ, хотя въ подвигѣхъ уже едвали можно было узнать его прежній четкій, твердый почеркъ.

13 февраля 1795 года ревностнаго защитника православной вѣры и русской народности въ Польшѣ не стало.

Среди неустанныхъ заботъ объ огражденіи паствы отъ „волковъ“, Ковневскій находилъ еще время и для занятій учено-литературными трудами. Его „исторія руссовъ“ написанная по желанію Екатерины II, представляетъ собою цѣнный историческій трудъ.

Въ изложеніи фактовъ исторіи видно глубокое изученіе событій. Смѣлый и добросовѣтный въ своихъ взглядахъ, авторъ не ограничивается изложеніемъ историческихъ фактовъ, а указываетъ какъ ихъ причины, такъ равнымъ образомъ и слѣдствія. Битвы описаны живо. Картины страданій православныхъ нарисованы рукою хорошаго художника, напр., картина казни Острияницы.

Другимъ не менѣ важнымъ историческимъ трудомъ было: „Права и вольности исповѣдующихъ греко-восточную вѣру въ Польшѣ и Литвѣ“. Въ этой книгѣ можно найти всѣ постановленія польскаго правительства, изданныя въ пользу православныхъ. Автору приходилось рыться въ польскихъ архивахъ и оттуда извлекать забытыя поляками постановленія. Кромѣ того, мы видимъ его заботящимся о собираніи документовъ и книгъ касательно положенія православныхъ въ Польшѣ и Литвѣ, ему въ этомъ помогаютъ по его просьбѣ друзья. Такъ, въ 1792 году Викторъ, еп. Переяславскій, писалъ Георгію, что, собравъ нѣсколько экземпляровъ нужныхъ послѣдней книгѣ, онъ пришлетъ ихъ при вѣрномъ случаѣ. Въ послѣдніе годы жизни ревностнаго архипастыря

изъ подъ пера его вышли въ свѣтъ его знаменитыя „Записки“ о времени появленія уніи. Георгій неоднократно жаловался и Св. Синоду и частнымъ лицамъ на крайнюю невѣжественность духовенства его епархіи. Можно съ увѣренностію сказать, что это было причиною появленія въ свѣтъ книги „о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“. Ее составилъ, по порученію Св. Синода, неутомимый архипастырь Бѣлоруссія съ другомъ своимъ Пароеніемъ Сопковскимъ, еп. Смоленскимъ. Перу Конисскаго принадлежатъ одна статейка противъ невѣрія: „Письмо г. Вольтера къ учителямъ церкви и богословамъ“. Статья написана въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Это — популярное изложеніе мнѣній Вольтера съ опроверженіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Самъ преосвященный смотритъ на статью, какъ на средство сохранить православныхъ „отъ заразы“, „разсѣваемой въ вопросахъ, при письмѣ приложенныхъ“.

Сверхъ того отъ Конисскаго остались еще слѣдующіе литературные труды: „Историческое извѣстіе о бѣлорусской епархіи“, „Записки о Могилевской семинаріи“, „Доношеніе Императрицѣ о притѣсненіяхъ духовенству“, „Письмо о дѣлахъ уніи“, а также — письма къ Екатеринѣ и разнымъ лицамъ, нѣсколько русскихъ надписей и стиховъ ¹⁾.

Наконецъ, Конисскій пользовался у современниковъ славою знаменитаго церковнаго оратора, — „восхищавшаго слушателей своими умвыми и трогательными проповѣдями“. Его краснорѣчіе удивляло иногда иностранцевъ, но многія изъ его проповѣдей безъискусственны, „просты, какъ поученія старцевъ“. Это бесѣды заботливаго отца съ дѣтьми, — бесѣды, — нисколько не рассчитанныя на то, чтобы произвести эффектъ, поразить слушателя изысканными, изысканными фразами. Читая его проповѣди историческаго содер-

¹⁾ «Въ художественномъ отношеніи стихи Конисскаго не имѣютъ значенія, но въ нихъ видѣнъ духъ мыслящій». Эти слова Пушкина, приведены Филаретомъ въ его «Обз. р. д. л.»

жанія, не знаешь, чему болѣе удивляться, — обстоятельности-ли и полнотѣ содержанія, или живымъ выхваченнымъ прямо изъ наличной дѣйствительности штрихамъ, какими проповѣдникъ рисуетъ страданія православныхъ. Глубокое знаніе жизни паствы просматривается и въ его правоучительныхъ проповѣдяхъ. Но въ догматическихъ нѣтъ особенной глубины мысли, нѣтъ тонкости анализа, нѣтъ силы аргументаціи. Его чуткая душа ^{продвѣс велелъ} отзывалась на всѣ событія, явленія и спѣшила сказать свое сужденіе о нихъ съ церковной кафедры.

Образованное бѣлорусское общество было заражено въ XVIII вѣкѣ духомъ западно-европейскаго невѣрія. Подъ вліяніемъ идей модной философіи, въ жизнь проводились новыя начала, несогласныя съ ученіемъ христіанскимъ, и вотъ ревностный пастырь выступаетъ съ словомъ обличенія противъ всего, что шло въ разрѣзъ съ требованіемъ христіанскаго долга.

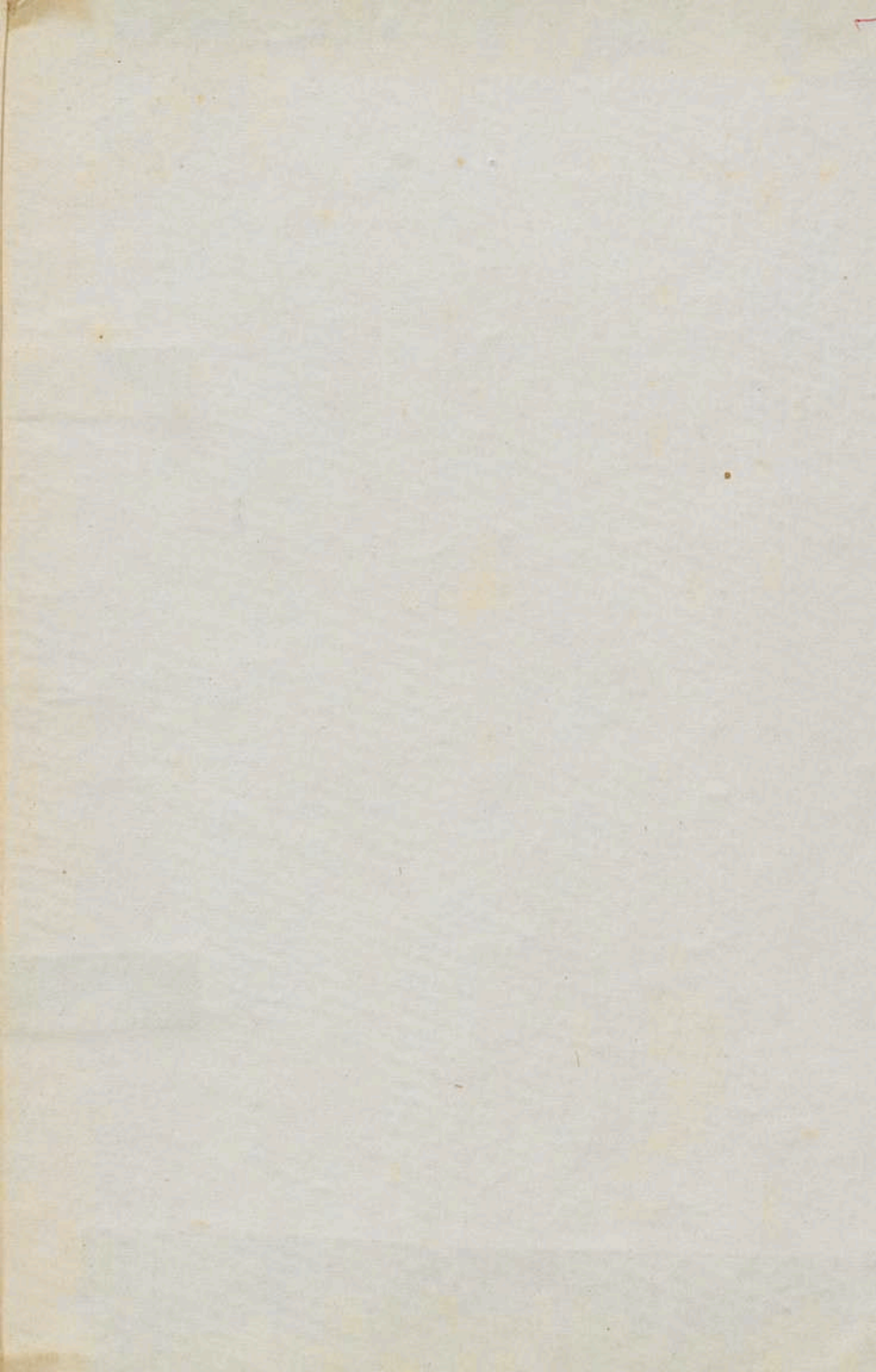
Въ обществѣ, современномъ Конисскому, были распространены и протестантскія мнѣнія, — напр. мнѣніе о предопредѣленіи. Георгій противопоставляетъ послѣдному мнѣнію ученіе о всеобщности спасенія. Оно возвѣщается всѣмъ, но не всѣ его принимаютъ. Есть у Конисскаго слово противъ современныхъ ему іудеевъ и Магометанъ. Въ немъ онъ раскрываетъ мысль о возможности спасенія лишь во Христвѣ.

Нарочитой полемики съ католичествомъ Конисскій не велъ. Опытный пастырь понималъ, что это могло вооружить противъ него папистовъ, и это удерживало его отъ рѣзкаго слова обличенія послѣднихъ. Но все же, желая „предохранить“ паству отъ оныхъ волковъ, онъ иногда указывалъ на несостоятельность нѣкоторыхъ пунктовъ ученія римско-католической церкви. Одна лишь проповѣдь цѣликомъ направлена противъ папистовъ.

За претерпѣнные труды и непогоду,

Архіепископомъ и членомъ сталъ Синоду, говоритъ Конисскій въ эпитафіи самому себѣ. Въ сердцахъ православныхъ западно-русскаго края Конисскій получилъ лучшую

Бел. 2005

B0000000322269

70

